

Как-то Андрей Вознесенский заметил: «Наверное, статьи о поэзии пишутся с подсознательным физическим наслаждением процитировать...» Действительно, прочитав новую поэтическую книгу Галины Кудрявской «Счастье моё жгучее», захотелось процитировать многие её стихи, поделиться с друзьями радостью открытий, сделанных омской поэтессой и прозаиком; и совпадением мыслей и чувств; и мудрым спокойствием, которого так не хватает в наш суетный век...

По листьям опавшим просекой

Иду и молчу...

Дудочка твоя, Господи,

Захочешь, и – зазвучу.

Небесное происхождение поэзии не требует доказательств, и не это ли главное спасение поэта в любых житейских обстоятельствах. Трудностей и трагедий в последние годы, увы, было немало у Галины Борисовны. Но как справедливо отмечает в предисловии к книге («Надежды и открытия усмирённой музыки») литературовед Вадим Физиков, «...нет в этих стихах ни отчаяния, ни подавленности одиночеством, неизбежностью утрат – искусство «промолвленного слова», напитанное впечатлениями живой реальности и находящее пути к гармонии, побеждает драматизм, даже трагизм жизни».

Когда тоска – наотмашь и навывлет,

Когда весь мир объят огнём греха,

Пусть зло во мне добра не пересилит,

Пусть боль борьбы не заглушит стиха...

Именно слово для поэта – та «дождевая и родниковая», а по сути – та живая вода, от которой и «заживает рана, и растворяется беда». И Галина Кудрявская щедро делится этой живой водой с читателем, способным чувствовать, страдать и преодолевать страдания – животворным русским словом.

Спасает душу поэтессы христианская вера, о которой не написаны громкие и высокие слова, но которая ощутимо передаётся в мироощущении автора, в её поистине библейской мудрости, выраженной в стихах.

Спасает родная природа. Здесь тоже нет громких слов и

признаний в любви к России и любимому Омску. Но с какой любовью и нежностью подаются эти зарисовки сибирской природы: «...Шепчет ива, Иртыш бормочет,/ Плачет птица над старым гнездом./ Сердце во всём остаться хочет:/ Это его дом». Или стихотворение, начинающееся такими строчками: «С картины голландца,/ Старинного мастера,/ Сошло это место/ В сибирском приречье...» Или картинка весеннего города, в котором навсегда сохранилась память о любимом человеке: «...Остались мы на улице Ямской,/ Ничто не оторвёт нас друг от друга».

Кудрявская не создаёт идиллических картинок, эта любовь к родине всегда смешана с болью за неё: «...отсутствие счастья читалось/ По безрадостным лицам людей». И всё же – побеждает надежда и вера в будущее:

***...Над лесом, над рекой, над полем
Восходит первая звезда.
И если ты Сибирью болен,
Уже оправдан навсегда.***

В чём же «жгучее счастье» поэтессы (сочетание, вынесенное в заголовок сборника)? В самой жизни – со всеми её бедами, радостями, находками и потерями...

И, возвращаясь к словам А. Вознесенского, цитирую напоследок:

***Просто слушать тишину,
Ничего не делая,
Просто видеть синеву
Меж стволами белыми,
Наблюдая, как парит
Паутины нить.
Просто – быть.***

